

УДК: 316.722

А. С. АРМЕН

(старший преподаватель)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: armenanastasiya@gmail.com

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ОБЩЕСТВА

***Аннотация.** Анализируя признаки постмодернистского социума, автор выделяет в качестве основного размытие идентичности индивида, в первую очередь, гендерной. В качестве теоретической базы представлены постфеминистские теории женской субъективности, в которых авторы декларируют дефрагментацию философской категории «субъект» и актуализируют подвижность структуры идентичности. Акцентируется внимание на том, что внедрение гендерных технологий в странах Западной Европы способствует утрате ценностных ориентиров, размыванию идентичности, формированию сомнительных трендов современной массовой культуры.*

***Ключевые слова:** постмодернизм, субъективность, идентичность, трансгендерность, транссексуальность, гендерные практики, массовая культура.*

Современное культурное пространство характеризуется калейдоскопичностью и эклектичностью, что теоретиками различных сфер обществознания определяется в качестве ключевых характеристик эпохи постмодернизма. Проблемное поле постмодернизма затрагивает также антропологический пессимизм, тотальный плюрализм, крушение бинарных оппозиций и пр. Особо заостряется философская проблема субъекта, воплощенная в таких категориях как «смерть субъекта», «смерть автора», «смерть Бога». В культурном и философском постмодернизме «смерть субъекта» становится одним из важнейших догматов, отражающих идеологический и гносеологический сдвиг артикуляции с ключевой фигуры (автора, субъекта, Бога) на мифологизацию текста, отказ от культа личностного, авторского начала в пользу свободной, механической, пограничной игры значений.

По мнению П. К. Гречко, «постмодернизм – философия радикального плюрализма, а это значит, что «предельной реальностью» для него выступает не единение, а различие, не тождество, а «рассредоточенная» множественность [1, с. 171]. Продолжая подобную логику рассуждений, следует очертить еще одну проблему, свойственную постмодернизму – проблему размывания идентичности: культурной, этнической, религиозной, политической. В данном исследовании автор обнажает специфику утраты гендерной идентичности индивидом XXI века.

В первую очередь это связано с воплощением постмодернистской концепции «смерти субъекта» в постфеминистских теориях женской субъективности (Дж. Батлер, Т. де Лауретис, Э. Гросс и И. Кософски Сэдживик, Л. Иригарэ, Р. Брайдотти). В противоположность модели классического феминистского понимания субъекта как единого, в постфеминистском дискурсе субъект видится децентрированным, фрагментарным и противоречивым. Следовательно, допустимым становится возможность выбора для нее различных и множественных репрезентаций (в том числе гендерных) в различных ситуациях и между различными дискурсами. Дру-

гими словами, увеличивающаяся гибкость и подвижность структуры идентичности влияет одновременно на уровни и формы ее репрезентативных политик.

Т.е. в определении идентичности акцент смещается с сущностного на перформативное, а место классической дихотомии мужское-женское занимает множество взаимонакладывающихся фрагментов субъективности.

Так, американская феминистка Дж. Батлер в своем труде «Гендерная тревога: феминизм и подрыв индивидуальности» (1990) представляет новые категории для её описания – «перформативность», «перформативная субъективность», «цитатная субъективность» [2, с. 60]. По Батлер, пол является перформативным образованием и эффектом перформативных действий, поэтому не имеет никакого онтологического статуса вне них.

Переход к постфеминизму и появление новых практик деконструкции гендера и «размывания» границ традиционных гендерных идентичностей, в первую очередь связан с так называемым феноменом неосексуальности (трансгендерность, транссексуальность) в современной культуре. Американский феминистский теоретик Тереза де Лауретис первой использовала термин квир-идентичность (*англ.* *queer* – «странная», «эксцентричная») с целью артикуляции более сложного понимания женской гомосексуальности в ее пересечениях с социальными и субъективными формами идентификации [2, с. 64]. Затем этот термин стал использоваться не только для описания структур гомосексуальных идентичностей, но и других типов современных идентичностей, не укладывающихся в рамки традиционной гендерной дихотомии. Главным параметром в конструкции квир-субъективности является, таким образом, параметр нередуцируемости субъективности к любым застывшим идентификационным моделям, базирующимся на сексуальной ориентации, социальном статусе, расовой или религиозной принадлежности.

Именно поэтому само понятие *квир* возникает в современной феминистской теории тогда, когда в ней появляется необходимость избежать традиционных бинарных оппозиций и понятий мышления – в частности таких, как традиционные гендерные оппозиции мужского и женского. Последняя, стоит отметить, в течение длительного срока служила основным предметом размышления феминистской теории.

Таким образом, постмодернистский индивид растворяется, рассеивается в своих собственных дискурсивных практиках, автономных жизненных проектах.

Переходя от теоретических изысканий к практике необходимо отметить, что многие теоретики трактуют постмодернизм лишь в качестве умозрительной конструкции, а подобное состояние человеческой экзистенции видят катастрофическим, падшим, разлагающимся, ведь ключевой принцип постмодерна – плюрализм ведет к релятивизму и утрате четких ориентиров, в первую очередь мировоззренческих. На протяжении веков дихотомия «мужское» – «женское» было основой существования человеческого рода. Однако, современная культура диктует обществу необходимости отказа от подобного бинарного восприятия пола.

Итак, по мнению многих теоретиков, категория «гендер» является средством унификации биологического пола и уничтожения различий между мужчиной и женщиной. Если пол – уже не постоянный неотъемлемый признак человеческого существа, а лишь набор характеристик с временным доминированием одной из них, то его как такового и вовсе нет. Отмена пола неизбежно означает отмену мужчин и женщин и создание «поло-вариабельного» человека. Бесполое существо, существо третьего пола является идеальным «новым человеком» в «новой эпохе». То

есть полностью «расчеловеченным» трансчеловеком, вышедшим за рамки роли и функций, отведенных ему природой (для верующих будет уместно заметить – Богом).

Современная гендерная система насчитывает 6 гендеров и существует мнение, что это не предел, поскольку всемирно известная социальная сеть Facebook предлагает англоязычному пользователю на выбор 54 гендера.

Безусловно, небинарные гендерные системы существовали в истории человеческой цивилизации, однако, феномен, который предлагает нам общество постмодерна, демонстрирует истинный крах идентичности, тот самый симптом вырождения человеческого рода *Homo Sapiens*, подменяя понятия, добиваясь защиты прав и свободы личности, но тем самым, по сути, видоизменяя человеческую природу.

Еще несколько десятилетий лет назад маскулинные и фемининные черты и свойства считались взаимоисключающими, всякое отступление от них воспринималось в качестве безусловной девиации, или же шага в этом направлении. Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных свойств. Исключение приобрело характер правила: андрогинность, транссексуальность, гендерно нейтральная лексика – элементы современной культурной среды.

Политическая практика передовых государств Западной Европы активно способствует закреплению подобных явлений в качестве тенденции. Модернизация законодательной базы, создание соответствующих институтов и внедрение новых механизмов призваны сконструировать новые нормы, как юридические, так и этические. Так, многие государства Западной Европы активно претворяют в жизнь, так называемую, «практику активного равенства», в результате которой детям предоставляется право самостоятельно определять свой пол без вмешательства родителей по достижении определенного возраста (7-14 лет). По всей Европе мы наблюдаем тенденцию движения в сторону процедур признания гендерной идентичности на основе самоопределения (т.е. без соответствующего медицинского освидетельствования). Получило распространение гендерно-нейтральное воспитание, которое также предусматривает запрет на традиционное обращение к детям в детских садах и школах: вводится, так называемая «гендерно нейтральная» форма *heybu* – от *they* (они), которым заменяют традиционные *she* (она) или *he* (он) и *baby* (малыш, ребенок), (Швеция, Норвегия, Дания). Так, французские чиновники самого высокого уровня декларируют тот факт, что «цель современного образования – вырвать детей из социальной и религиозной определенности». В Германии, Австрии, Великобритании, Нидерландах законодательное закрепление получило введение в документах графы «Третий пол». Не означает ли это, что европейская цивилизация становится бесполой?

А закон «О недискриминации» в США, находящийся на стадии принятия, определяет транссексуалов, трансвеститов и представителей других категорий гендерной идентичности в качестве сексуальных меньшинств, пользующихся покровительством, в первую очередь, при приеме на работу. Следовательно, появление учителя-транссексуала будет расценено как норма, что, безусловно, вызовет у подростков не что иное, как глубокое замешательство в определении их собственной идентичности. Таким образом, посредством школы, одного из основных институтов социализации индивида, происходит глубинная антропологическая мутация, буквально переструктурирование человеческого общества. В течение своей многовековой истории последнее усложнялось, совершенствуя свою структуру, вырабатывая принципы и нормы для обеспечения порядка и воспроизводства. Почему же

сегодня мы становимся свидетелями развенчания всех табу и крушения культурных догм, которые тысячелетиями вырабатывало человечество? Один из ключевых моральных регуляторов – табу на инцест сегодня также претерпел десакрализацию, когда представители молодежной организации либеральной партии Швеции выступили с предложением узаконить половые отношения между братьями и сестрами по достижении ими 15 лет, а также акты некрофилии согласно завещанию покойного.

Любопытен также тот факт, что европейская цивилизация, определявшаяся на протяжении веков в качестве истинно христианской, сегодня делает выбор в пользу несвойственных ей религий, например буддизма. Причина очевидна, христианство – ортодоксальная вера, отвергающая однополые браки и различного рода шокирующие эксперименты в определении идентичности, что, по мнению части современного общества, ущемляет свободу, блокирует право выбора.

Английский футуролог О. Тоффлер называл общество постмодерна «новой эрой», символом которой предстает не личность, а имидж. «В эпоху постмодерна эти люди-имиджи, как живые, так и вымышленные, играют существенную роль в нашей жизни, создавая модели поведения, роли и ситуации, согласно которым мы делаем заключения относительно собственной жизни. Хотим мы этого или нет, но мы извлекаем уроки из их действий. Они дают нам возможность «примерить на себя» различные социальные роли и стили жизни без последствий, которые повлекли бы за собой подобные эксперименты в реальной жизни. Стремительный поток личностей-имиджей не может не способствовать увеличению нестабильных личностных параметров множества разных людей, испытывающих трудности в выборе стиля жизни» [3, с. 428]. Следовательно, индивид получает абсолютную свободу в примерке и смене т.н. «идентичностных масок». Так, сиюминутная перформативная характеристика, предельно раскрепощенная и, краткосрочная становится приоритетной по сравнению с глубинной сущностной составляющей.

Если в классическом искусстве, естественно, складывалась тяга к прекрасному, то в постмодерне правит бал абсурд – безобразное в литературе, театре, кинематографе, моде. Таким образом, можно констатировать, что лицо эпохи постмодерна – это лицо фрика (*англ. freak* – уродец). Современные масс-медиа являются ключевыми проводниками разлагающего влияния на умы человечества, предлагая именно такие примеры для подражания. С какими же псевдо-идентичностями нам предлагается отождествить себя? Бородатая певица-трансвестит становится победителем международного музыкального конкурса, индустрия детских развлечений предлагает детям легендарную куклу Барби-трансгендера, а самыми популярными и высокооплачиваемыми становятся андрогинные модели, сочетающие в себе мужские и женские признаки. Публичные люди, представители спорта и шоу-бизнеса делают откровенные заявления о своём «самоощущении». В постоянном поиске новых впечатлений и ощущений разрушаются любого рода культурные границы, самоограничение перестает быть добродетелью. Увы, этот поиск не способствует формированию у человека эпохи постмодерна ценностей и идеалов классической эпохи, в частности семейных: родственная привязанность, любовь, долг. Шокирующие эксперименты с собственной идентичностью, в первую очередь, половой простоту не оставляют для этого ни пространства, ни времени. В качестве базовых ценностей социализации личности уже не декларируются, например, чувство собственного достоинства, трудолюбие, стремление к развитию, к созидательной деятельности на благо общества. Индивида перестали оценивать по его действиям и

суждениям: значение имеет только эпизодическая перформативная репрезентация. Принципы, убеждения, осознанная позиция утратили актуальность для самопозиционирования личности, важен лишь искусственно сконструированный сиюминутный имидж. Последний часто оказывается за пределами этических и эстетических границ.

При этом очевидно, какое влияние оказывает массовая культура на социализацию подростков и молодых людей, став одним из ключевых её агентов. Поистине демонический образец выставляется для подражания. Часто представителей современного общества можно сравнить лишь с героями романа-антиутопии «Заводной апельсин»: у них нет ничего святого. Свобода, ключевая ценность неолиберализма, приобретает почти сакральный характер, а иметь ценности и почитать святое означает демонстрировать свою несвободу. Тотальная реализация принципа плюрализма, о котором мы говорили выше, и, как следствие, возведение в абсолют неограниченного выбора и возможностей самопрезентации спровоцировала истинный кризис человеческой экзистенции. Общество постмодерна, по сути, демонстрирует в качестве эталонов моды и поведения грубые психиатрические симптомы. К последним отнесем отсутствие стыда, в том числе, и интимного, что по мнению специалистов трактуется как признак прогрессирующего слабоумия.

Так, философский концепт постмодернизма будто призывает человечество отторгнуть ценности классической эпохи, говоря об иллюзорности реальности, конструктивности окружающего мира и отсутствии истины и догмы (религиозной, политической, мировоззренческой). Отсюда принципиальное отвержение всяких правил, которые пестовались веками: радикальное разотождествление всего и вся, отрицание высшего авторитета, вертикальной власти, идеологический вакуум, по выражению З. Баумана, – «плавление твердынь». Так, канон постмодерна декларируется отсутствие всякого канона.

«Революция гендерной идентичности» – так называют ценностный коллапс идеологи ЛГБТ-сообщества, забывая при этом, что за каждой революцией следует реакционный откат, сопровождающийся хаосом. Следует отметить, что не только государственные институты способствуют подобного рода разложению, но и новые технологии способны обеспечить потомство «из пробирки», созданное по западным параметрам «всем желающим» независимо от пола и идентичности, тем самым лишив противников последнего аргумента – об исключительной способности воспроизводить свой род. Таким образом, на свалке истории окажутся не только этические нормы, но и основные постулаты естествознания. Теория естественного отбора уступит монополию искусственно моделируемому «сверхчеловеку» третьего пола, полностью свободному от каких-либо «моральных предрассудков и стереотипов» (то есть отказавшемуся от человеческой морали, совести, от понятия «греха»). Утрата устойчивых ориентиров, калейдоскопичная сменяемость культурных образцов, невозможность формирования гармоничной личности, способной прожить достойную жизнь, а не следовать подобно флюгеру за абсурдными тенденциями: вот неутешительные последствия плюрализма, словно раковая опухоль поразившего культурное и социальной пространство постмодерна. Презрение к самой категории бинарных оппозиций, а, следовательно, игнорирование главной из них – «добро-зло» рано или поздно приведет к торжеству сообщества антропологических вырожденцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гречко П.К. Идентичность – постмодернистская перспектива// Вопросы социальной теории. – 2010. – Т.IV. – с.171-190.
2. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной–Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 708 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э.Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

A. S. Armen

(Senior Lecturer)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: armenanastasiya@gmail.com**DECONSTRUCTION OF GENDER IDENTITY AND ITS REFLECTION
IN THE CULTURAL SPACE OF POSTMODERN SOCIETY**

Annotation. The author considered the basic features of society postmodernism among which is blurring personal identity. As a theoretical base the post-feminist theories of woman subjectivity, in that authors declare defragmentation of philosophical category "subject" of structure of identity, are presented. Attention is accented on circumstance that introduction of gender technologies in the European countries assist the loss of the valued reference-points, blurring out of identity, forming of doubtful trends of modern mass culture. Keywords: post-modernism, subjectivity, identity, gender practices, mass culture.

Key words: postmodernism, subjectivity, identity, transgender, gender practices.

В редакцию поступила 27 мая 2019 года